

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра отечественной филологии и русского языка как иностранного

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

На тему: Туркменские кальки в современном русском языке (на лексикографическом материале)

Исполнитель Бабаева Огулсона
(фамилия, имя, отчество)

Руководитель кандидат педагогических наук, доцент
(ученая степень, ученое звание)
Васильева Инга Владимировна
(фамилия, имя, отчество)

«К защите допускаю»
Заведующий кафедрой
(подпись)
кандидат педагогических наук, доцент
(ученая степень, ученое звание)
Кипнес Людмила Владимировна
(фамилия, имя, отчество)

«5» июня 2023 г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2023

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. КАЛЬКИРОВАНИЕ – ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....	5
1.1. Способы словообразования в современном русском языке – разные точки зрения	5
1.2. Место калькирования в системе способов словообразования русского языка	10
1.2.1. Калькирование – определение понятия	10
1.2.2. История калькирования в истории языка	14
1.2.3. Классификация калек	18
ГЛАВА II. КАЛЬКИРОВАННАЯ ЛЕКСИКА ИЗ ТУРКМЕНСКОГО ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ	21
2.1. Материал исследования.....	21
2.2. Условия и причины проникновения туркменских калек в русский язык.	23
2.3. Лексико-семантическая классификация калек	29
2.4. Грамматическое оформление туркменских калек в русском языке...41	
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	48
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	50

ВВЕДЕНИЕ

Язык представляет собой живую подвижную систему, которая изменяется и развивается вместе с изменением и развитием истории и мышления народа – носителя данного языка. Процесс образования новых слов является одним из самых сложных в языке, поскольку пронизывает все его уровни.

Одним из основных путей пополнения словарного состава языка ученые признают процесс заимствования, неизбежно возникающий в ходе межкультурной коммуникации. В лингвистике заимствование как языковой процесс обычно определяется как приход иноязычного элемента из одной языковой системы и его закрепление в другой. В случае, когда заимствованная лексическая единица воспроизводится средствами принимающего языка, говорят о явлении калькирования.

Под термином «калька» традиционно понимается буквальный перевод морфологических элементов иноязычного слова или, по выражению В. В. Виноградова, «точная съемка морфемы за морфемой» [16, с. 162]. По количеству иностранных слов русский язык в целом занимает сбалансированную позицию в кругу славянских языков. Несмотря на приток слов неславянского происхождения в русский язык на протяжении 400 лет, большую часть заимствований составляют заимствования из других славянских языков, в первую очередь, это церковнославянизмы, составляющие до 10% лексики русского языка. Кроме того, в русском языке много слов из греческого, латинского, английского, французского, немецкого языков. Другую значительную группу ранних заимствований составляют группы слов тюркского происхождения – тюркизмы, в том числе заимствования из туркменского языка. Однако достоверная картина того, что происходит в сфере заимствованной лексики из туркменского языка, отсутствует вследствие недостаточного количества исследовательских работ в этой области. Это определяет **актуальность настоящего исследования.**

Объектом нашего исследования является калькирование как способ словопроизводства в лексикографических изданиях.

Под **предметом исследования** мы понимаем туркменские кальки в современных лексикографических изданиях.

Целью нашего исследования является выявление и лингвистический анализ туркменских калек в русскоязычных лексикографических изданиях.

Для достижения цели исследования необходимо выполнить следующие **задачи**:

- 1) изучить теоретическую литературу о различных способах словообразования в русском языке и роли заимствований в процессе пополнения его словарного состава, рассмотреть точки зрения ученых на калькирование как способ словообразования;
- 2) изучить историю калькирования в контексте истории русского литературного языка;
- 3) рассмотреть известные классификации калек и найти наиболее подходящую в качестве базы для данного исследования;
- 4) сделать анализ языкового материала, выписанного с помощью метода сплошной выборки, объяснить причины появления разных видов заимствования;

Методы исследования – системно-функциональный и контекстуальный анализ, приемы классификации и статистической обработки данных. При обобщении, систематизации и интерпретации результатов наблюдения применялся описательный метод. Были востребованы также общенаучные методы наблюдения, обобщения и сопоставления.

Структура работы. Выпускная квалификационная работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы. Объем работы составляет 56 страниц. Список литературы включает 67 наименований.

ГЛАВА I. КАЛЬКИРОВАНИЕ – ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

1.1. Способы словообразования в современном русском языке – разные точки зрения

Как уже было отмечено выше, словарный состав языка всегда крайне чувствителен к жизни народа – своего носителя и творца. Язык не статичен, он неразрывно связан с деятельностью человека в обществе, с контактами народов между собой, и находится в постоянном движении и развитии. Самым ярким и определяющим явлением в преобразовании лексического состава языка является его постоянное обогащение в результате появления новых слов. Н. М. Шанский пишет, что в русском языке этот процесс осуществляется двумя способами: путем образования новых слов на базе уже существующего строительного материала и путем использования в той или иной степени лексики других языков [59, с. 105]. При этом основным способом обогащения словарного состава ученый называет именно первый – то есть в результате различных способов словообразования, свойственных русскому языку, однако нельзя не учитывать и иноязычные источники пополнения словаря.

Некоторые исследователи призывают разграничивать собственно словообразование и словопроизводство. В Лингвистическом энциклопедическом словаре под редакцией В. Н. Ярцевой под словообразованием понимается, во-первых, образование слов, называемых производными и сложными, обычно на базе однокорневых слов по существующим в языке образцам и моделям с помощью аффиксации, словосложения, конверсии и других формальных средств; во-вторых, раздел языкознания, изучающий все аспекты создания, функционирования, строения и классификации производных и сложных слов. Словопроизводство же определяется как один из способов словообразования (при использовании средств аффиксации – суффиксации и префиксации) наряду со словосложением (при участии в акте словообразования по крайней мере двух

полнозначных единиц), конверсией (при переходе, или транспозиции, слов из одной части речи в другую), аббревиацией (при наличии сокращения исходных слов) и т. п. [8, с. 467].

Для того чтобы уточнить отношения рассматриваемых понятий, обратимся к сущности словообразования как раздела языкознания. М. Т. Фахрутдинова пишет, что его предметом является структура слова, которую можно вскрыть путем сопоставления слов в качестве основного метода анализа как отдельного слова, так и всей словообразовательной системы в целом. По мнению исследовательницы, главной задачей словообразования является изучение закономерностей и особенностей словообразовательного моделирования во всех его аспектах: с одной стороны, формальном и содержательном, а с другой – генетическом и процессуальном. Словообразование отражает не только пути пополнения лексического состава, но и пути создания определенных грамматических категорий, так как все вновь созданные слова, входя в язык, грамматически и формально оформляются [47, с. 54].

Итак, поскольку словообразование как особый раздел науки о языке включает в себя изучение всех аспектов создания новых лексических единиц, в настоящей работе мы будем считать словопроизводство частным случаем словообразования.

Однако в отечественной науке до сих пор нет однозначного подхода к вопросу о способах словообразования: различные лингвистические направления выделяют их в соответствии со своими традициями. Ученые Казанской лингвистической школы, такие как Э. А. Балалыкина и Г. А. Николаев, считают, что существует два основных способа словопроизводства: морфемный (или морфологический) и неморфемный (или семантический). Каждый из этих способов имеет несколько разновидностей, однако все они объединены в две группы на основании общих характеристик. Морфологический (морфемный) способ характеризуется тем, что новые слова создаются на базе существующих в

языке основ и словообразовательных аффиксов. Семантический (неморфемный) способ основан на изменении семантики исходного (производящего) слова [7, с. 24].

Есть и альтернативные точки зрения на классификацию способов словообразования. Взгляды И. А. Бодуэна де Куртенэ и его старших казанских учеников получили развитие в трудах представителей более молодого поколения русских лингвистов, работавших в Ленинградском университете. Так, например, взгляды академика Л. В. Щербы, хотя и находились под влиянием его учителя, но обладали большой новизной и оригинальностью, что позволяет отнести его к отдельной, Ленинградской лингвистической школе. Л. В. Щерба устанавливает два главных способа образования новых слов: во-первых, «путем слов, образуемых от уже имеющихся в языке посредством более или менее производительных суффиксов»; во-вторых, «обозначение новых понятий путем нового применения старых слов» (куда входит калькирование, заимствование иноязычных слов и новое применение своих слов) [57, с. 56].

Существует и третья точка зрения на способы словообразования, которую сформулировали ученые Московской лингвистической школы, основанной Ф. Ф. Фортунатовым. Определение этой школы как «формальной» следует понимать не в смысле исключения языкового содержания в пользу языковой формы, но в смысле определения пути исследования языка – от формы к содержанию или, шире, от наблюдаемых фактов – к ненаблюдаемым. Московская лингвистическая школа представлена взглядами таких ученых, как Н. М. Шанский, Н. Ю. Шведова, В. В. Лопатин, И. Г. Милославский, А. Н. Тихонов. Так, лингвист Московской лингвистической школы Е. А. Земская подразделяет способы словообразования на несмешанные (простые) и смешанные. К несмешанным способам словообразования относятся: суффиксация, префиксация, постфиксация, субстантивация прилагательных и причастий, сложение, сращение, аббревиация. В смешанных способах словообразования

соответствующие средства по-разному комбинируются, и, таким образом, формант равен сочетанию формантов, принадлежащих несмешанным способам (двум или трем). По мнению Е. А. Земской, в русском языке имеются следующие смешанные способы словообразования: префиксально-суффиксальный, префиксально-постфиксальный, суффиксально-постфиксальный, префиксально-суффиксально-постфиксальный, суффиксально-сложный, префиксально-суффиксально-сложный, сращение в сочетании с суффиксацией [18, с. 89].

На основании вышеизложенных мнений лингвистов М. Т. Фахрутдинова дает собственную классификацию продуктивных способов словообразования [47, с. 55–56]. В морфологическом способе она выделяет 3 модели:

1. Аффиксация: префиксация (со-автор, от-мыть); постфиксация (болтать-ся, кому-то); суффиксация (мудр-ость, ходь-ба); конфиксация (под-окон-ник, обез-глав-ить).

2. Сложение: интерфиксация (лес-о-степь, русск-о-словацкий); сложение с суффиксацией (железн-о-дорож-ный, пар-о-ход).

3. Включение: передовица (в газете), пятилетка (план).

В семантическом способе также представлены 3 модели:

1. Симпликация: метафора (золотая осень, высокая мода); метонимия (пить из хрусталя (из хрустальной посуды)); синекдоха (борода (человек с бородой) молчит); субстантивация (снотворное, булочная, сытый голодного не понимает); адъективация (раненый стонет); адвербализация (шутя поднял тяжесть).

2. Сращение: первого типа (быстрорастворимый, долгоиграющий) и второго типа (шкафкупе, платье-халат).

3. Включение: с опущением определяемого слова: передовая (в газете), гончая, борзая (собаки); с опущением зависимого слова: (сахарный) песок, (атмосферные) осадки.

Данная классификация представляет собой попытку систематизировать активные процессы в словообразовании современного русского языка. Поскольку на сегодняшний день отмечается существенное расширение и укрепление международных связей, языки взаимодействуют более интенсивно. В результате большую роль в пополнении словарного состава начинают играть заимствования. Таким образом, перенос новых понятий и их наименований из одного языка в другой становится одним из наиболее продуктивных способов обогащения словаря, о чем говорят многие современные исследователи – как отечественные, так и зарубежные.

Итак, вслед за этими учеными, а также Н. М. Шанским и Л. В. Щербой, мы будем выделять заимствования как важный источник обогащения словаря русского языка и далее рассмотрим, какую именно роль в этом процессе играет интересующее нас явление калькирования.

1.2. Место калькирования в системе способов словообразования русского языка

1.2.1. Калькирование – определение понятия

Термин «калька» появился на рубеже XIX-XX веков (от фр. *calque* – копия). Введение этого понятия в научный обиход приписывается швейцарскому лингвисту Шарлю Балли, автору работы «Французская стилистика», где утверждалось, что «кальки – это слова и выражения, образованные механически, путем буквального перевода, по образцу выражений, переведенных с иностранного языка» [8, с. 69]. В. В. Виноградов называл кальку буквальным переводом морфологических элементов иноязычного слова, «точной съемкой морфемы за морфемой» [15, с. 162]. В Лингвистическом энциклопедическом словаре под редакцией В. Н. Ярцевой находим следующее определение кальки: «образование нового фразеологизма, слова или нового значения слова путем буквального перевода соответствующей иноязычной языковой единицы» [8, с. 211]. Л. П. Крысин определяет процесс калькирования как создание слов из исконного языкового материала – корней, аффиксов, флексий – по иноязычным образцам [40, с. 86]. Если обобщить существующие определения, *калька представляет собой слово или выражение, которое создается по иноязычным моделям, но из исконных элементов; это не материальное, а структурное заимствование.*

Известный ученый У. Вайнрайх отмечал, что к процессу калькирования языки относятся неодинаково: более восприимчивы к калькам как форме заимствования языки, типологически близкие к транслирующей языковой системе [13, с. 102]. Это наблюдение подтверждает и Н. С. Арапова, которая в словарной статье о кальках для Лингвистического энциклопедического словаря пишет: «Соотношение калек и прямых заимствований в разных языках различно. В некоторых языках (исландский, тибетский) калькирование – почти единственный способ освоения иноязычной лексики»

[8, с. 211]. Таким образом, ученые признают важную роль калькирования как способа пополнения словарного состава языка и отмечают, что в некоторых языковых системах этот способ и вовсе имеет критическое значение.

Взгляды ученых на явление калькирования различаются с точки зрения классификации, узкого или широкого подхода. Кроме того, среди исследователей нет единого мнения о том, считать ли калькирование заимствованием. Об этом свидетельствует, например, тот факт, что кальки в словарях иностранных слов не упоминаются и фактически заимствованными единицами не признаются.

Одним из ученых, который противопоставляет понятия калькирования и заимствования, является Н. М. Шанский. Он пишет: «Дело в том, что могут заимствоваться слова и выражения как целые, т. е. реальные номинативные единицы, звуковые комплексы с определенными значениями, так и лишь их отдельные элементы (структура, значение). В связи с этим среди лексических фактов, в которых находит отражение иноязычное влияние, следует различать, с одной стороны, такие, которые объясняются прямым заимствованием, а с другой – такие, которые возникли в результате калькирования» [49, с. 106]. С этой точкой зрения согласен Л. П. Ефремов, который также не включает калькирование в объем понятия заимствования [17, с. 79–86]. Л. П. Крысин, анализируя процессы в русском языке 90-х и 00-х годов, отмечает, что при изучении иноязычного влияния калькам обычно уделяется меньше внимания, чем заимствованиям, и дает этому два объяснения. Он пишет: «Во-первых, калек в языке (не только современном, но и, например, русском языке XIX века) несравнимо меньше, чем заимствований. Во-вторых, кальки трудно выявить: неясны критерии, по которым то или иное слово или словосочетание следует признать результатом иноязычного влияния, а не продуктом процессов, происходящих в русском языке в соответствии сего собственными закономерностями развития» [24, с. 30–31]. По мнению этих и других

исследователей иноязычность происхождения заимствований и калек – характеристики разной полноты и свойства.

Однако распространена среди ученых и другая позиция по этому вопросу. По мнению Е. А. Земской, калька является «скрытым» заимствованием: «Это, так сказать, тайный переодетый враг, а не явный грабитель, который ломится в дом» [18, с. 421]. Н. С. Арапова также рассматривает эти явления в тесной связи друг с другом. Она пишет: «Кальки появляются тогда, когда возникает потребность в передаче понятия, появившегося в иноязычной среде, а прямое заимствование почему-либо нежелательно. В таком случае происходит заимствование словообразовательной или семантической структуры иноязычного слова» [3, с. 27]. Эта точка зрения находит отражение и в наиболее актуальных работах отечественных лингвистов. В частности, Е. В. Бондарева также включает калькирование в типологию заимствований, основанную на способе внедрения в принимающий язык. Она подразделяет заимствования на те, что попали в язык путем транскрибирования (передачи звукового облика), транслитерирования (передачи орфографического облика) и, наконец, калькирования (то есть поморфемного или пословного перевода) [11, с.13].

В настоящей работе мы будем придерживаться такой точки зрения, при которой заимствования и кальки рассматриваются в непосредственной связи друг с другом, поскольку хоть кальки в языке-реципиенте и возникают по его словообразовательным законам, влияние языка-прототипа остается достаточно сильным.

Расходятся мнения исследователей и по поводу видов калек. Ученые спорят о статусе таких понятий, как семантическое калькирование и вторичное заимствование. Последний термин употребляет Е. В. Маринова, обозначая языковой механизм (процесс) «скрытого заимствования», по сути аналогичный семантическому калькированию, но отличающийся от него главным образом тем, что при семантическом калькировании слово, которое

заимствует новое значение, чаще всего является исконным (оговорка «чаще всего» вызвана признанием того факта, что в качестве объекта калькирования могут использоваться и так называемые «старые» заимствования: акула (бизнеса), команда (президента), электронная (почта) [29, с. 136]. Здесь следует отметить, что Л. П. Крысин считал семантическое калькирование преобладающим типом в русском языке последних десятилетий, тогда как в XIX в. чаще имело место словообразовательное калькирование [24, с. 223]. В более поздних работах этого ученого встречается также понятие вторичного заимствования. Данным термином он обозначает случаи, когда «наряду с ранее заимствованным и ассимилированным в языке словом появляется слово, по форме совпадающее с ранее заимствованным, но имеющее иное значение, вплоть до полной омонимии» [25, с. 106; 25, с. 161]. Именно это определение использует и развивает в своих работах Е. В. Маринова [29, с. 388-393; 31, с. 112–115; 33, с. 83–85, с. 136–137].

Таким образом, на примере дискуссии о статусе терминов «вторичное заимствование» и «семантическое калькирование» мы можем еще раз убедиться в том, что понятия калькирования и заимствования достаточно тесно связаны друг с другом.

Итак, главной причиной появления потребности в калькировании представляется необходимость передачи наименований одного языка средствами другого языка при их взаимодействии. Как правило, эта проблема решается путем простого лексического заимствования, но такой путь имеет ограничения и языкового, и социально-психологического характера: чаще всего носители языка избегают засилья в речи заимствований, так как это чревато переходом к двуязычию или даже утратой родного языка. Выход из ситуации подсказывает сама структура взаимодействующих языков, потому и возникает явление калькирования, то есть реализация языкового контакта внутренними ресурсами по внешней модели.

1.2.2. История калькирования в истории языка

Традиция использования семантического и структурного калькирования при передаче новых для принимающего языка понятий уходит своими корнями в историю языка. Н. К. Николаева отмечает при этом, что в Средние века, в отличие от современности, семантическое калькирование представляло собой более редкий способ, чем словообразовательное. Она пишет: «Тем не менее, можно констатировать существенную роль обоих приемов в развитии лексической и словообразовательной системы древнеславянского – а через него и русского литературного языка» [34, с.127]. На примере разновременных переводов богословских памятников X и XIV вв. она прослеживает эти процессы в тексте и раскрывает их значение для языковой парадигмы. Н. К. Николаева выделяет следующие особенности семантического калькирования на славянской почве:

1. Семантическое калькирование чаще встречается в ранних переводных памятниках, поскольку именно там появляется необходимость актуализации значений, связанных не только с новым христианским вероучением, но и с новыми научными знаниями, транслируемыми через эти тексты.
2. Следовательно, семантическое калькирование хронологически совпадает с периодом семантического синкретизма славянской лексики, поэтому приобретаемое новое значение встраивается в уже имеющийся в языке семантический комплекс определенного слова и проявляет себя (по крайней мере в начале истории своего функционирования) только в своеобразном поле напряжения между конкретным контекстом и его оригиналом.

Отсюда Н. К. Николаева делает вывод, что предпосылки к преобладанию калькирования над собственно лексическим заимствованием содержались в самой структуре славянского языка.

Одним из первых ученых-славистов, обративших внимание на особенности калькирования в славянских языках, был Б. Г. Унбегаун[8]. Рассматривая бытующие кальки с немецкого, он разделял славянские языки на две группы: к первой относятся русский, польский и болгарский, в которых, по мнению исследователя, количественно преобладают заимствования; ко второй принадлежат хорватский, сербский, чешский и словенский языки, в которых чаще встречаются кальки, что связано с политическим и культурным влиянием империи Габсбургов на данные языки.

Здесь важно отметить, что появление калек в отдельных языках бывает связано с пуристическими тенденциями, борьбой за чистоту языка. Пуризм (от лат. *purus* – чистый) – стремление к чистоте литературного языка, к изгнанию из него разного рода посторонних элементов: иноязычных заимствований, новообразований, элементов внелитературной речи (диалектизмов, просторечия и др.) [8, с. 247]. Пуризм предполагает отказ от заимствований, характеризуется стремлением заменить их словами, образованными с помощью исконных корней и морфем. Например, в истории немецкого языка выделяется период XVIII – XIX вв., когда во избежание сильного влияния французского и латинского языков активно создавались пуристические словари.

Складывались подобные ситуации и в русском языке. Показательно отношение значительной части современников к энергичной борьбе за «чистоту языка», которую в конце XVIII – начале XIX в. вели адмирал А. С. Шишков и его единомышленники. В тот период объективно усилилось французское влияние на русскую речь, и именно этим были вызваны их усилия. Однако уже при жизни Шихова его позиция, выраженная

в«Рассуждении о старом и новом слоге российского языка», была довольно жестоко осмеяна

В послепушкинский период, 40–70-е годы XIX века, строй русского литературного языка изменяется под воздействием общественно-политических изменений в стране, развития науки и техники, становится наиболее пестрым и многогранным. Это происходит потому, что в обществе передовой русской интеллигенции возникает интерес к развитию научных, социальных и философских идей, что, в свою очередь, порождает тенденцию к еще более тесному сближению с западноевропейскими языками, а вслед за этим увеличивается количество заимствований. В.В. Виноградов пишет, что в эту эпоху границы литературного языка существенно расширяются. В него входит много слов из профессионального жаргона, из чиновничьих диалектов, элементы городского просторечия [15, с. 361], перестраивается лексическая, фразеологическая и семантическая структура языка, ищутся новые идеологические скрепы.

В начале XX века процессы заимствования и калькирования продолжали происходить в русском литературном языке. Однако после становления советской системы сформировалось такое явление, как советский лингвистический пуризм, которое в рамках утверждения одних и развенчания других ценностей пыталось повлиять на источники обогащения словарного состава. Помимо заимствований подвергались жесткой критике просторечия, жаргонизмы и диалектизмы.

В наши дни, когда настала эпоха глобализации, иноязычная лексика оказывает все большее влияние на формирование лексической системы русского литературного языка. По наблюдению современных ученых Е. В. Сенько и М. Р. Ленчиной, нарастающие темпы процесса глобализации вызвали бурное развитие одного из наиболее социально значимых процессов – процесса заимствования, который не только масштабируется, но и претерпевает значительные качественные изменения [39, с. 129]. В результате в последние десятилетия престиж иностранного слова, как считает Л. П.

Крысин, укрепляется. Автор отмечает, что большой поток иностранной лексики проникает во все сферы человеческой жизни: экономическую, общественную, бытовую и т. д. Наряду с прямым заимствованием расширяются границы калькирования, что обусловило появление таких выражений, как высокая мода (фр. *hautescouture*), теневая экономика (англ. *shadoweconomy*), продвинутый (этап работы / курс и т.п.) от англ. *advanced* и др. Л. П. Крысин закономерно приходит к выводу, что влияние иностранной лексики на русский язык многообразно и интенсивно и требует детального изучения [40].

Интересно, что при взаимодействии языков различной структуры калькирование происходит намного реже или не происходит вовсе. Например, в русском языке огромное количество калек из индоевропейских языков, прежде всего латинского, греческого, французского, английского, немецкого, тогда как калки из тюркских языков практически отсутствуют. Причем и другие индоевропейские языки (помимо вышеперечисленных) тоже не дали калек в русском языке, что обусловлено, по всей видимости, культурно-историческими причинами. Также отмечается, что в русском языке нет калек из нидерландского, итальянского, скандинавских языков, но содержится значительное количество лексических заимствований. Здесь причиной стали слабость или отсутствие книжного контакта, который имел место при взаимодействии русского языка с главными европейскими языками. Как отмечают лингвисты, на сегодняшний день основным источником калькирования для русского языка является английский.

Итак, проследив историю калькирования в контексте истории языка, обратимся к вопросу о классификации калек, который и поныне вызывает дискуссии среди исследователей.

1.2.3. Классификация калек

При изучении в современном языкознании процесса калькирования особое внимание уделяется построению различных классификаций и типологии калек. Сложность классификации калек обусловлена тем, что в процессе калькирования задействованы множественные факторы как чисто лингвистического, так и внелингвистического характера. К ним относятся, в частности, особенности структуры слова в контактирующих языках, грамматический строй этих языков, наличие в них относительно адекватных соответствий в морфологии и лексике, характер двуязычия, характер контакта (который может быть устным или письменным), авторитет влияющего языка, потребности формирования литературного языка и т. д.

Ученые по-разному классифицируют кальки в русском языке. Н. М. Шанский подразделяет их на две больших группы: лексические и фразеологические, представляющие собой пословный перевод фразеологизмов. Лексические кальки, в свою очередь, бывают двух видов:

1. Словообразовательные – это, по определению Н. М. Шанского, «такие материально исконные слова, которые возникли в результате перевода иноязычных слов по составляющим эти слова морфологическим частям, в результате усвоения словообразовательной структуры чужих слов» [49, с. 115].
2. Семантические – это «такие слова, в которых иноязычным по происхождению элементом является семантика, лексическое значение: само слово в своем звучании, материальном составе и словообразовательной структуре является исконным, одно же из присущих ему значений обязано иноязычному происхождению, т. е. значению какого-нибудь слова другого языка» [49, с. 116–117].

Кроме того, Н. М. Шанский противопоставляет полные лексические кальки и полукальки, то есть «слова, состоящие частью из своего собственного материала, а частью из материала иноязычного слова, которые по словообразовательной структуре так же точно соответствуют аналогичным словам языка-источника, из которого идет заимствование» [49, с. 120–121]. В качестве синонимичных термину «полукалька» ученый употребляет понятия «неполное» и «частичное калькирование».

Лингвистический энциклопедический словарь вслед за Н. М. Шанским выделяет кальки словообразовательные, семантические, фразеологические. Разновидностями словообразовательных калек названы полукальки, а также ложные кальки, которые возникают «вследствие ошибочного понимания морфолого-семантической структуры иноязычного слова: русское название растения орлики ‘аквилегия’ является переводом лат. *aquilegia*, воспринятого как производное от *aquila* ‘орёл’» [8, с. 211].

Н. С. Арапова в исследовании «Кальки в русском языке послепетровского периода. Опыт словаря» подробно рассматривает явление лексического калькирования [3]. Фразеологические кальки здесь также выделены, но в рамках словаря не рассмотрены. Предложенная в работе Н. С. Араповой классификация калек в наибольшей степени отвечает целям настоящего исследования. Вслед за Н. М. Шанским она подразделяет лексические кальки на семантические и словообразовательные. В свою очередь, словообразовательные кальки бывают точные и неточные, причем последние, по мнению Н. С. Араповой, не следует смешивать с полукальками. Полукалька – это слово, в котором один из морфов калькируемого прототипа остается непереуведенным (например: нем. *Alpha/teilchen*– рус.альфа-частица). В неточных же калках переведено все, но одна из морфем переведена неверно (нем. *Blitzableiter*– рус.громоотвод: нем. *Blitz* ‘молния’, а не ‘гром’). Таким образом, данная классификация практически полностью повторяет собой типологию, предложенную в статье Ленинградского энциклопедического словаря, которая также принадлежит Н.

С. Араповой, однако здесь термин «ложная калька» заменен понятием «неточная калька».

ГЛАВА 2. Практические аспекты исследования туркменских калек в русском языке на примере лексикографических изданий

2.1. Материал исследования

Сбор данных для исследования осуществлялся путем сплошной выборки заимствованных слов и калек из этимологических словарей М. Фасмера и Н. М. Шанского, Толкового словаря иностранных слов под редакцией Л. П. Крысина и внесения этих языковых единиц в отдельный список.

Несколько слов о лексикографических изданиях, послуживших материалом для исследования.

Толковый словарь иноязычных слов под редакцией Крысина Л.П. [15] представляет собой словарь, в котором помещено примерно 25 000 слов и сочетаний. В словаре представлены преимущественно слова, которые укрепились в русском языке еще в 18-20 вв. Встречаются даже более ранние слова. Все слова иноязычного происхождения, то есть их образование произошло от иностранных основ. Данный словарь можно считать первым филологическим словарем иноязычных слов, поскольку в нем можно найти описание свойств слова, а не только той вещи, которая данным словом обозначается. Кроме того, автор указывает в каждом случае происхождение слова, указывает, какое значение оно приобрело в современной русской речи. Можно обнаружить характеристики произношения, ударения, грамматические, стилистические характеристики. Приводятся примеры связей (преимущественно смысловых), которые данное слово образует. Приводятся многочисленные примеры того, как эти слова употребляются в речи. Важной чертой является то, что в данном словаре описывается словообразовательный аспект, то есть дается описание того, каким образом образуются новые, родственные слова из данного слова.

Этимологический словарь русского языка Макса Фасмера принадлежит к числу самых авторитетных этимологических словарей нашего времени. Его автор - крупнейший этимолог-славист - дает сводку преимущественно зарубежных этимологических исследований русской лексики по состоянию на 1960 г.

Макс Фасмер заложил традицию, близкую О. Н. Трубачеву, который описал их в «Послесловии» ко второму изданию «русского Фасмера»: 1) внимание к темным и редким словам; 2) приоритет слов, тесно связанных с традиционными культурой, историей, бытом и контактами русского народа перед поздними заимствованиями и т. п. названиями современных, в том числе профессионально-технических реалий; 3) привлечение «традиционной ономастики». Свой словарь Фасмер составлял в сложных условиях военного времени. Словарь, однако, имеет неточности и ошибки при отражении русско-тюркских и русско-финно-угорских связей. Заслуга — включение диалектной лексики и ономастики, но первая представлена мало [не так уж и мало - в других словарях намного меньше]. Наиболее слабое место — преувеличение немецкого [и вообще иноязычного] влияния на русский. Сам М. Фасмер при завершении работы над своим словарём так сказал о планах его дальнейшего развития: «... я уделю бы больше внимания калькам и семантической стороне» (Фасм. 1: 14).

Школьный этимологический словарь русского языка Н.М. Шанского и Т.А. Бобровой. В настоящем словаре в научно-популярной форме, доступной для самого широкого круга читателей, толкуется происхождение наиболее употребительных слов современного русского языка, их родословная, источники поступления в русский язык, исходный языковой материал и способ образования, первоначальное звучание и изменения значений.

Таким образом, наиболее полным, на наш взгляд, оказывается Современный словарь иностранных слов Л.П. Крысина. Его мы возьмем за основу.

2.2. Условия и причины проникновения туркменских калек в русский язык.

Лексика русского языка является предметом изучения многих поколений учёных. Словарь Даля раскрывает значения около 200 000 лексических единиц. Их количеству постоянно растёт. Лексический состав русского языка тесно связан как с этимологией, так и историей русского народа и поздней России. Лексика русского языка отличается наличием как ряда общих, так и целой группой отличительных черт по сравнению с другими славянскими и прочими индоевропейскими языками. В целом лексический состав русского языка характеризуется заметным преобладанием славянских по происхождению элементов. В письменной и научной речи важную роль играют хорошо адаптированные интернационализмы греческого и латинского происхождения. Помимо этого выделяются лексические пласты разноязычного происхождения, хотя удельный вес каждого из них в целом незначителен.

По своему происхождению лексика русского языка разделяется на две большие группы: исконную и заимствованную.

Исконная лексика подразделяется на следующие группы: общеиндоевропейскую (овца, бык, волк, брат, дочь, мать, один, два, три, четыре и т.д.); общеславянскую (VI – VII вв. лист, дуб, сосна, черёмуха, горох, овёс, чеснок, дом, кров, курица); восточнославянскую (период Киевской Руси XI- XII вв. хороший, белка, зяблик, сорок, сегодня); собственно – русские (XV в., обои, обложка, голубцы, итог, обман, опыт и мн. др.).

По количеству иностранных слов русский язык в целом занимает сбалансированную позицию в кругу славянских языков. Несмотря на приток слов неславянского происхождения в русский язык на протяжении 400 лет, большую часть заимствований составляют заимствования из других славянских языков, в первую очередь, это церковнославянизмы,

составляющие до 10% лексики русского языка. Другую значительную группу ранних заимствований составляют группы слов тюркского происхождения – тюркизмы. Также в русском языке много слов из греческого, латинского, английского, французского, немецкого языков.

На лексику современного русского языка немалое влияние оказали те языки, с которыми русский длительное время контактировал. Это восточногерманский, греческий, тюркский и мн.др. В данной главе будет рассматриваться именно взаимовлияние русского и тюркских языков. Тюркские языки — семья родственных языков алтайской макросемьи, широко распространённых в Азии и Восточной Европе. Область распространения тюркских языков простирается от бассейна реки Лены в Сибири на юго-запад до восточного побережья Средиземного моря. Общее число говорящих — более 167,4 млн. чел.

Тюркология располагает целым рядом классификационных схем, предлагавшихся различными учеными и построенных на разных принципах. Среди них классификации В.В. Радлова, Н.И. Ильинского, Н.Ф. Катанова, Ф.Е. Корша, Г.Х. Ахатова, Н.А. Баскакова, М.Т. Дьячка, А.Н. Самойловича и др. Среди наиболее ранних (X—XI вв.) следовало бы упомянуть классификацию Махмуда ал-Кашгари. Принципы классификационных схем варьируют в зависимости от удельного веса принимаемых дифференциальных лингвистических признаков, учета географического признака, а также данных истории тюркских народов.

Общепризнанным является противопоставление болгарской и собственно тюркской (общетюркской) группы — их разделение произошло на рубеже н. э., вероятно, во II в. н. э. Собственно тюркские, учитывая по возможности все известные на сегодняшний момент идиомы, можно было бы разделить: на языки рунических надписей; горно-алтайские (центрально-восточные) языки; карлукские языки — карлукско-уйгурские и карлукскохорезмийские; кыпчакские языки; огузские языки; саянские (тобаские) языки; хакасские (кыргызские) языки; якутские языки.

Традиционно тюркские языки включаются в состав алтайской семьи, внутри которой они обнаруживают более тесное родство с монгольскими языками. Типологически они относятся к агглютинативным языкам; им также свойственен сингармонизм.

На письме современные тюркские языки используют в основном латиницу, кириллицу и арабский алфавит.

Туркменский язык *Türkmençe*, *Türkmen dili* распространен в Туркмении, Иране, Афганистане, Турции, Ираке, России. Большая часть носителей языка проживает в Туркмении, Афганистане. Базой для возникновения туркменского языка послужил язык поселившихся в Приаралье в конце первого тысячелетия нашей эры огузов. Первым памятником старого литературного туркменского языка, по мнению исследователей, считается относящаяся к XVII веку памятник «Родословная туркменов Абулгазихана». Дальнейшее развитие литературный туркменский язык получил в XVIII—XIX веках с расцветом туркменской поэзии Азади, Махтумкули, Сеиди, Зелили. В это же время начинается сближение письменного туркменского языка с разговорным. В конце XIX в. появились первые печатные книги на туркменском языке. В 1913 г. И.А.Беляев опубликовал первый «Русско-туркменский словарь», а в 1915 г. «Граматику туркменского языка». Важный вклад в изучение туркменского языка в советские годы внесли А.Н. Самойлович, А.П. Поцелуевский и другие исследователи. Современный туркменский литературный язык сформировался на базе текинского диалекта в начале XX века.

Слова переходят из одного языка в другой, когда для этого имеются достаточные мотивы и условия. Главным условием лексического заимствования признаётся двуязычие. В настоящее время туркменско-русское двуязычие из группового превращается в массовый билингвизмом.

Подлинно равноправное двуязычие, характерное для страны, предполагает гармоническое сочетание интернациональных и национальных черт в развитии культуры народов, обеспечивает свободный взаимообмен

понятийными и выразительными средствами между контактирующими языками, а в плане функциональном происходит распределение общественных нагрузок между ними. Функциональное взаимодействие туркменского и русского языков в пределах республики наблюдается во всех сферах их применения. Они параллельно применяются как языки преподавания в школе и вузе, периодической печати, научных произведений, художественной литературы, кино, театра, радио, телевидения, общения в быту и на производстве. Функциональное взаимодействие расширяет возможности взаимовлияния и взаимообогащения контактирующих языков на различных уровнях, и прежде всего на уровне лексико–семантическом.

Функционирование русского языка как языка радио, телевидения, кино и театра способствует усвоению туркменских заимствований в русской устной речи.

На русском языке пишутся и издаются труды по многим отраслям науки, техники, культуры, на страницах которых встречаются туркменские слова. В работах по отдельным отраслям знаний, например, по истории, этнографии, национальной музыкальной культуре, видам народных ремесел такие слова занимают заметное место.

На взаимовлияние и взаимообогащение туркменской и русской литератур и языков оказывают определённое воздействие русскоязычные писатели Туркменистана. Романы « Море согласия », « Государи и кочевники », повести и поэмы Д.Г. Рыбина, роман « Чёрная пасть » и повести П. Карпова, произведения « Предрассветные призраки пустыни », « Крушение Великого Турана » Р. Эсенова, повести « Год весёлых речек », « Матушка Абадан » А. Аборского, повести и рассказа Ю. Рябина, А. Мамедова и других авторов изображают вчерашний и сегодняшний день туркменского народа. Заметный пласт в лексике таких оригинальных произведений на русском языке составляют туркменские заимствования.

Особенно насыщены туркменской лексикой тексты переводов художественной литературы с туркменского языка на русский.

Через русские переводы представители национальных литератур приобретают мировую известность. К настоящему времени на русский язык переведены почти все более или менее значительные произведения туркменского фольклора, классической и современной художественной литературы. На русском языке неоднократно издавались туркменские народные сказки, дестаны «Шахсенем и Гариб», «Хурлукга и Хемра» и другие произведения устного народного творчества. Благодаря усилиям таких переводчиков, как А. Тарковский, Г. Веселков, Г. Шенгели и др., достоянием читателя стали стихотворения Махтумкули, Сеиди и Зелили, Кемине и Мятаджи, дестаны «Лейли и Меджнун» Андалиба, «Зохране и Тахир» Молланепеса, «Саят и Хемра» Шабенде, а также лирические и лироэпические произведения этих и других представителей туркменской классической литературы.

Через художественные переводы, как и оригинальную литературу на туркменскую тему, местные заимствования становятся известными миллионам носителей русского языка, живущих далеко за пределами Туркмении.

Кроме названных социолингвистических условий и причин проникновения туркменских слов в русский текст существует и внутриязыковые факторы, без учёта которых нельзя объяснить мотивы заимствования русским языком того или иного туркменского слова. К числу таких факторов относится, например, необходимость дать названия новым для носителя русского языка предметам, понятиям. Будучи наименованиями, национально – специфических предметов, понятий, значений некоторые туркменские слова в русском языке выступают в денотативной функции. Речь идёт о таких заимствованиях, как **гиджак, дутар, кетени, тамдыр, танапи** другие, которые не имеют в русском языке однословных эквивалентов. К ним примыкают слова типа **арба, тельпек, хорджун, чарык**, находящиеся в синонимическом отношении с собственно русскими словами телега, шапка, сумка, лапти, однако члены этих синонимических пар отличаются друг от

друга смысловыми оттенками. Ряд туркменских слов включается в русский текст лишь в экспрессивно – стилистических целях. Так, слова джарчи и глашатай, михманхана и гостиная, якши и хорошо по семантической нагрузке мало чем отличаются между собой. Подобным туркменским заимствованиям, отличающимся от русских эквивалентов семантическими оттенками или стилистической значимостью, присуща коннотативная функция. Иноязычное слово может заимствоваться в целях назвать единое, нерасчлененное понятие одним словом, а не описательным оборотом. Известно, что всякое понятие, выраженное средствами одного языка, можно передать на втором языке, не применяя средств первого языка. Например, значения туркменских слов **гельнедже**, **мираб**, **чурек** могут быть переданы на русский язык соответственно при помощи следующих описательных оборотов: « жена старшего брата или родственника», « распределитель воды в оросительной сети для полива», «лепёшка из сдобного или пресного теста, испечённая в тамдыре». Одну вещь, один предмет, одно явление удобно назвать одним цельнооформленным словом, а не аналитическим образованием, что устраняет противоречие между расчлененностью формы и монолитностью обозначаемого предмета мысли. Отношения между единицами двух контактирующих сторон в данном случае выражаются в том, что иноязычное слово предпочитается исконному описательному обороту, если оба они служат наименованиями нерасчлененного понятия.

2.3 Лексико-семантические группы туркменских калек в русском языке

Подавляющее большинство образно-выразительных средств, скалькированных с туркменских образцов — плод индивидуального творчества писателей и переводчиков, однако не исключена возможность, что часть их в результате дальнейшего развития двуязычия может быть освоена носителями русского языка.

В произведениях о туркменской природе, быте, хозяйстве, ремеслах туркменского народа вводятся слова таких тематических групп, как названия:

1. Еды, фруктов, растений.
2. Профессий.
3. Различных бытовых предметов.
4. Одежда.
5. Обозначающие религиозные понятия.
6. Национальные игры и вид спорта.
7. Музыкальные инструменты.
8. Хозяйственные сооружения и их части.
9. Женские украшения.
10. Праздники и торжества и т.д.

Благодаря им, достигается национально – бытовой колорит.

Приведём примеры туркменских заимствований в современном русском языке из художественной литературы, обозначающих название еды, фруктов и растений. Данные тюркские заимствования отражены в Толковом словаре Л.П. Крысина

1. Плов(ош), – [тур. Pilavкрутая рисовая каша]Восточное кушанье из вареного риса с жиром, кусочками мяса (обычно баранины) и с пряностями.

.....там готовился плов, зембузи и пельмени.

(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота»
«Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 14.)

2. Чурек – [тюрк.] лепешка из сдобного или пресного теста, испечённая в тамдыре.

- Сегодня мне надо печь чурек, можно и попозже вернуться.

(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота»
«Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 19.)

3. Айран – [тюрк.] разболтанная в воде простокваша без жира. Молочный напиток, напоминающий кефир, употребляемый как прохладительный.

– Бог и нам послал бы хоть какую – нибудь козу, чтобы у нас был айран.

(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота»
«Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 23)

4. Катык – [тюрк.] заквашенное после кипячения молоко.

Союн вкушал вермишелевый суп с перцем и кислым молоком – катыком.

(В. Серебров «Вкусный обед», «Звезда Востока», №1, 2005 год, стр. 163)

7. Ковурга – национальное кушанье из смеси жареных пшеницы и кунжута.

– Не у тебя огня – на, поджарь ковургу.

(В. Серебров «Вкусный обед», «Звезда Востока», №1, 2005 год, стр. 158).

8. Петир – слоёнка, т.е. лепёшка, из слоённого теста.

Одни ловко сажали в печь тонко раскатанное в лепёшки тесто, другие вытаскивали уже готовые румяные петеры.

(Л. Добромов «Воспоминание», «Звезда Востока», №2, 2006 год, стр. 28).

Туркменизмы, обозначающие название профессий.

1. Арабачи – мастер по изготовлению двухколесных телег.

Он занялся ремеслом отца – арабачи

(Е. Пагиев «Над пустынею, гладкой, как щит», «Дружба Народов» №11, 2008 год, стр. 10)

3. Арбакеш – тот, кто управляет телегой, возница.

Мурад получал почту, греб к берегу, но лентяй арбакеш всегда уезжал, не дожидавшись порохода.

(Тиркиш Джумагельдиев «Новая история» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 64)

4. Дайханин – крестьянин – земледелец.

Дайханин не имеет привычки вешать на дверь замок.

(Тиркиш Джумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 34).

4. Чабан – [тюрк.] в Средней Азии пастух овечьих стад.

Молодой чабан шёл, а его чолукехал рядом на ишаке.

(Тиркиш Джумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 34).

5. Шахир – поэт.

Бахши пел стихи великолепного шахира, Махтумкули, умевшего нежно любить и уничтожающе ненавидеть.

(Тиркиш Джумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота» «Дружба Народов», №6, 2006 год, стр. 44)

6. Тебиб – лекарь, врачеватель, лечащий средствами народной медицины.

– Не бойся, это настоящий тебиб, и он вылечит тебя.

(Тиркиш Джумагельдиев «Сон» «Дружба Народов», №6, 2006 год, стр. 17)

7. Усса – мастер, умелец.

– Я не знаю, как благодарить вас, усса– ага, - захлебываясь проговорил он.

(ТиркишДжумагельдиев «Сон» «Дружба Народов», №6, 2006 год, стр. 33)

8. Хеким – правитель округа, провинции.

Став хекимом Черрик прежде всего решил приумножить богатства.
(ТиркишДжумагельдиев «Быть или не быть?» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 54)

9. Нанбай – пекарь и торговец хлебом.

Я истинный царь или вскормышнанбая.

(ТиркишДжумагельдиев «Новая история» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 65)

Туркменизмы, обозначающие названия бытовых предметов:

1. Янлык - кожаный сосуд для сбивания масла и хранения жидкостей; бурдюк.

Вы тут можете сразу два янлыка повесить.

(Х. Дерьяев «Судьба» «Дружба Народов» №6, 2006 год, стр. 72.)

2. Чувал – ковровый мешок, служащий для украшения кибитки и хранения одежды.

Привезла чувал муки, каурмы и готового чурека.

(К. Кулиев «Суровые дни» «Звезда Востока», №5, 2008 год, стр. 178)

3. Челек – небольшой плоский бочонок для хранения и перевозки жидкостей.

В челеке у него вода. (Б. Кербабаев «Весна на земле туркменской», «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 12).

4. Чанак – деревянная миска. Хыдыр взял окутанный паром чанак и вышел из кибитки. (ТиркишДжумагельдиев «Сон» «Дружба Народов», №4, 2006, стр. 78)

5. Хум – глиняный кувшин для хранения жидкостей и металлических денег. Яшули вымыл медный умывальник и , напоив его прозрачной водой из большого хума, поставила на место .

(Б. Кербабаев « Весна на земле туркменской», «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр 14).

4. Тулум–мешок из шкуры животных для хранения жидкостей.

Абдулла платил деньги, грузил тулум с нефтью и отправился к Хыдыру. (ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 29).

5. Торба – мешочек для хранения мелких вещей, а также для кормления лошадей.

Умывшись, Айдогды достал из торбы зеркальце и щипчики.

(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 31).

5. Пиала – [перс]чашка, которой пьют чай.

«..... на столу стояли чайничек и пиала ... »

(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 32)

6. Наскяды – табакерка для наса из тыквы горлянки.

Булатхан достал из кушака наскяды и принялся им колотить овезли по спине. (ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 41).

7. Окора - деревянная миска.

Не успел заикнуться про пшеницу, как он уже явился со своим окара. (ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 43)

Туркменизмы, обозначающие название частей одежды

1. Чадра - [тур] У мусульман женское покрывало во весь рост, закрывающее голову и лицо (кроме глаз) и спускающееся по плечам вниз.

2. Чалма – [тюрк] У мусульман: мужской головной убор – длинный кусок ткани, туго обертываемый вокруг головы

Туркменизмы, обозначающие религиозные понятия:

1. Аят – стих из корана.

Вам же настоятельно советую поразмышлять над этим аятом.

(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 73)

2. Газават – священная война мусульман против иноверцев, а также несправедливого деспота среди единоверцев.

Говорят, он во время газавата отличился.

(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 23)

3. Джиназа – предпохоронная молитва у мусульман.

Прочитали джиназу.

(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 11)

4. Дога – амулет в виде мешочка с зашитым в него текстом молитвы, а также сама молитва.

Его в самых учтивых выражениях просили больше не врачевать не продавать дога.

(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 11)

5. Зекат – ежегодный налог в размере сороковой части имущества или дохода.

– У баев бери свой зекат, - сказал джигит. (ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 12)

6. Ковахат – народное практическое толкование мусульманского законодательства с небольшими отклонениями от ортодоксальных норм.

– Но ведь есть еще и ковахат, развивающийся вместе с жизнью.

(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 22)

7. Кыямат - Воскресение мертвых, судный день.

– Видно, настал для нас кыямат, сынок.

(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 16)

8. Намаз – Ежедневная пятикратная молитва обязательная для мусульман Несколько стариков, собравшиеся для послеполуденного намаза, ожидали, сидя у глинябитной кельи.

(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 16)

9. Овлия – кладбище с могилой святого предводителя.

Когда Абдулла вышел на протоптанную тропу, на овлия было оживленно. (ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 16)

8. Ороза – месячный пост, обязательный для мусульман.

Ночь оразы шла своим чередом.

(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 16)

Туркменизмы, обозначающие национальные игры и вид спорта.

1. Айтерек – детская национальная групповая игра.

Отчётливо встали перед её глазами места, где она, ещё девочка, играла с подружками в айтерек.

(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 38)

2. Гонетаяк – детская игра по паданию в брошенную вверх палку другой палкой.

Начнём играть в гонетаяк.

(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 38)

3. Гореш – национальный вид состязания в борьбе.

Хватит тебе там отсиживаться, торопись на большой гореш.

(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 38)

4. Дорташик – разновидность игры в мальчишки.

У шалаша двое вооруженных людей играли в какую –то игру, наверное, дорт– ашик, горячились, спорили.

(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 39)

5. Дузум – национальная игра в камешки, игральное поле которой чертят на земле.

Он усаживается напротив Колобка – джигита, чертит квадрат для игры в дузум.(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 39)

6. Чилик – детская игра, в которой по короткой палочке бьют длинной палкой.

Дети рабочих играли на пустыре в чилик и лапту.(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 41)

7. Печиз – у северных туркмен: мужская игра на полу с семью костяшками.(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 42).

Вдруг все загалдели: «Давай играть в печиз!»

8. Монджукатды – вид гадания, при котором девушки и молодые женщины достают из сосуда с водой бусинки, сопровождая это пением четверостиший.

Мы в монджукатды поиграем, не возражаешь?

(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 43)

9. Ок – кесме вид развлечения, гарцевания на коне.

Пусть хмель царит у всех людей на уме

Пусть удалыцы свершают ок – кесме.

(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота»
«Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 43)

10. Юзук – народная групповая игра на нахождение спрятанного предмета. (ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 16)

Толпа стоит вокруг - йигиты ждут награду за юзук.

Туркменизмы, обозначающие музыкальные инструменты.

1. Гиджак – национальный музыкальный инструмент, похожий на скрипку.

Мне всегда кажется, что гиджакрассказывает только о печальном.

(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота»
«Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 28).

2. Гопуз – девичий губной музыкальный инструмент.

Всё время, пока звучалгопуз, девочки, окружавшие Джерен молчали.
(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота»
«Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 28)

3. Дутар – национальный двухструнный музыкальный инструмент.

Якши – Малид вздрогнул и быстро отложил дутар в сторону.

(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота»
«Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 28)

4. Карнай – духовой инструмент.

Сборщик налогов схватился за рукоять сабли, но тут снова пропели карнаи.
(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота»
«Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 30)

5. Саз – мелодия, звуки музыки.

Чего – то я такого саза не помню, - сказал АтаМерген, прослушав песню Ораза.

(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота»
«Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 29)

6. Сурнай–духовой музыкальный инструмент, похожий на флейту.
Слышался им боевой зов сурная.

(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота»
«Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 30)

7. Тар – струнный музыкальный инструмент.

На ящике крутился,шипел, чёрный круг, а из трубы летела чья – то
задушевная тягучая песня и тренькающая звуки тара.

(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота»
«Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 29)

8. Туйдук – камышовая дудка.

За колодцем пастух играл на туйдукесвою сердечную печаль.

(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота»
«Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 31)

Туркменизмы, обозначающие хозяйственные сооружения и их части.

1. Айван – лёгкая открытая терраса, веранда.

Мир – садык приблизился к дому и поднялся на айван.

(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота»
«Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 16)

2. Балахана – легкая надстройка на плоской крыше дома.

Когда поднимались на балахану, весь его гнев улетучивался, и он с
надеждой посматривал на север, откуда должны были явиться высокие
гости.(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота»
«Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 17)

3. Гумбез – выпуклая крыша в виде полушария.

Там Ага – Юнус и Гуль – Ширин устраивают похороны Гёр – оглы и
воздвигают на его могиле золотой гумбез.

(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота»
«Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 17)

4. Зиндан– темница, построенная в подземелье.

Он бросил его в тёмный зиндан.(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 18)

5. Казыхана - помещение, где находится канцелярия кази.

Сухие, полусгнившие талы росли вдоль улицы, что вела к казыхане и помещению бочки.(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 19)

6. Супа – глиняное возвышение, устраиваемое во дворе для сидения или лежания.

Купив лепёшку и заказав чаю, он расположился с краю супы, устланной кошмою.

(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 19)

7. Теляр – навес, построенный на столбах, без боковых стен.

Не веришь, мой младший не дожидался,когда она сядет на теляр с сушёнными дынями.

(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 16)

8. Чадыр – временное жильё из плотной ткани шатер.

Под растянутыми на полках чадырами – обрывки пропыленных кошм, сменявшая пестрота лохмотьев,казаны и куры.

(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 20)

Таким образом, туркменский язык оказывает определенное влияние на русскую речь, которое проявляется в пополнении ее лексики новыми словами, обладающими денотативной или коннотативной функциями. По-разному насыщены туркменскими словами тексты научных трудов, публицистических произведений и художественной литературы. Лексико-семантическая система русского языка данного региона отличается от русского литературного, языка не

только наличием в нем туркменских лексических заимствований, но и использованием образно-выразительных средств, генетически восходящих к туркменскому языку.

2.4. Грамматическое оформление туркменских калек в русском языке

Всякое заимствование, попадая в текст на втором языке, подвергается определенным изменениям, которые обусловлены своеобразием грамматической структуры контактирующих языков, несовпадением способов выражения грамматических значений в двух языках. Туркменские слова в русском тексте утрачивают морфологические признаки, присущие им в языке-источнике, и оформляются согласно внутренним законам русской грамматики. Подчинение морфологической структуры иноязычного слова правилам заимствующего языка вызвано тем, что слова заимствуются, как правило, для номинации нового понятия или для выражения дополнительной информации, и в процессе заимствования степени соответствия морфологических показателей заимствуемого элемента грамматической системе языка-заимствователя почти безразлична. Совпадение или расхождение грамматической характеристики заимствованного слова с его оформлением в языке-источнике связано со степенью типологического сходства контактирующих языков. Для словообразования туркменского языка характерна агглютинация, под которой понимается присоединение к корневой морфеме в определенной последовательности аффиксов, имеющих словообразовательное или формообразующее значения. В русском же языке, принадлежащем по своему грамматическому строю к языкам флективным, широко используются префиксация, суффиксация, чередование звуков. В отличие от туркменского языка, где каждый аффикс выступает выразителем преимущественно одного грамматического значения, в русском языке служебные морфемы обычно имеют несколько грамматических значений одновременно.

Морфологическая структура туркменского и русского слова отличается друг от друга и по характеру корневой морфемы. В туркменском языке корневые морфемы часто функционируют как самостоятельные слова с вполне конкретным значением. В оформлении русского слова как цельной лексико-семантической единицы почти всегда участвует кроме корня

(обычно не обладающего самостоятельным лексическим значением и выступающего в нескольких значениях) и служебная морфема, имеющая словообразовательное или грамматическое значение. Все эти различия накладывают отпечаток на характер морфологического оформления туркменских слов в русском тексте. Так, отдельные туркменские слова, состоящие в языке-источнике из нескольких морфем, на новой почве воспринимаются как непроемлемые основы. Например, туркменские двухморфемные слова аксакал, буренджек, жарчи, кошар, чарвадар, трёхморфемные -- атбашчи, гелналыджи, онбаши, четырехморфемные -- атлыбашчи на русской почве признаются корневыми морфемами. И наоборот, отдельные туркменские слова типа арча, бугра, камча, молла, теньга, чорба в русском языке воспринимаются как словоформы, разделенные на корневую и флективную морфемы, хотя в языке-источнике они являются одноморфемными словами. При переходе двухморфемных слов когур+га, когур+ма, мей+хана, чайл-хана в русский текст изменяется место стыка морфем, и на новой почве они делятся на морфемы в виде когург+а, когурм+а, мейхан+а, чайхан+а. Таким образом, туркменские слова, попадая в русскую речь, с этимологической точки зрения подвергаются опрощению, усложнению и переразложению. Процесс заимствования небезразличен к принадлежности слов к тому или иному лексико-грамматическому разряду. Абсолютное большинство заимствованных слов составляют имена существительные, что объясняется проникновением в русскую речь прежде всего слов, называющих национально-специфические предметы, явления, понятия, реалии. Более того, «данная категория слов относится к наиболее проницаемой части лексической системы языка, так как связь и «сцепления» между именами менее прочны, чем у слов, доставляющих другие лексико-грамматические группы». Все прилагательные и глаголы, образованные от туркменских основ, мотивированы именами существительными. Из других частей речи в русском тексте встречаются единичные слова, выполняющие функции частиц и междометий. Слова со значением частиц могут выражать

благодарность (саг-бол), приветствие (арма, салам, салам-алейкум), согласие (якши), прощание (хош), доброе пожелание (эншалла) и другие оттенки значений. Сравнительно часто в русский текст вводятся междометия, выражающие равнодушие (ай), восхищение (аперин), удивление (бай-бое, бе, вий, тоба), одобрение (бере-келла, тувелеме), боль (вай), сожаление (вах), радость (хейджанелек), сетование (дат-бидат) и др. По морфологической природе частицы и междометия являются неизменяемыми и не входят в тесные синтаксические связи с другими словами контекста.

С точки зрения морфологического оформления в русском языке значительные сложности представляют имена существительные, которые заимствуются в форме именительного падежа единственного числа. Каждое русское существительное в данной форме относится к конкретному роду и будучи ведущим компонентом словосочетания, подчиняет другие слова, способные изменяться по родам. Поэтому распределение туркменских заимствований по родам имеет важное значение. Поскольку грамматической структуре туркменского языка несвойственна категория рода, закрепление туркменских слов в русском языке за определенным родом происходит на почве языка-заимствователя.

Родовая принадлежность существительных со значением живых существ устанавливается с учетом биологического пола. На новой языковой основе личные существительные, обозначающие мужчин, относятся к мужскому роду (ага, аксакал, арчин, ахун, бай, йигит, калтаман, магсым, меджевур, пир, сопи, ходжа, чабан, яшули), а слова со значением наименования женщин -- к женскому (гелин, гелнедже, дайза, кайтарма, кениз, кыз, пери,эдже,эльти).

Одним из критериев при родовой дифференциации неодушевленных существительных является, как и в исконно русских словах, оформление конца слова. Основы на согласные обычно воспринимаются русским языком как существительные мужского рода: агыл, адат, азан, айван, айран, акбаш, батман, борук, гиджак, гореш, осетин, диван, зекат, зиндан, казан, канар,

килим, кундук, меллек, намаз, палас, саман, селин, силь, таган, танап, той, тут, ховуз, чилим, юзук, яшмак. Некоторые слова на -а признаются как слова женского рода: алача, букджа, кала, касыда, торба, хурма, чайхана, чатма, чорба, ярма. Отдельные заимствования на -е квалифицируются как слова среднего рода: кеджебе, кепбе, кульче, ляле, пишме.

В этой связи интересен тот факт, что на русской почве происходит переосмысление состава заимствуемого слова: финальные гласные основы туркменских слов в русском языке часто воспринимаются как окончания, так как наличие гласной фонемы в исходе основы существительных нехарактерно для морфонологической системы русского языка. В туркменском же языке существительные могут оканчиваться на гласные -а, е(-э) -и, -ы, которые преимущественно бывают ударными. При фонетической адаптации заимствований эти гласные сохраняются, и основы на такие гласные пополняют разряд неизменяемых существительных русского языка, по законам грамматики которого иноязычные слова с ударным финальным гласным не входят ни в одну парадигму склонения существительных. Отсюда возникают серьезные трудности при определении родовой принадлежности отдельно взятого туркменского слова по исходной форме. Нередко встречаются случаи, когда заимствования с одним и тем же конечным гласным отнесены к трем различным родам. Срв. несовпадение родовой характеристики основ на -а:

Черный танка на два чайника воды то виднелся в ярком пламени яндака, то пропадал из глаз (Б. Сейтаков.«Живая дань»). На голове у девушки -- гупба, украшенная шариком -- готазом (Б. Кербабаев.«Весеннюю порою»). Мокрое кожаное ведро подхватывал один из чолуков, опрокидывал в продолговатое нова, у которого месили грязь (Я. Мамедиев.«Родная земля»).

Большинство заимствований со значением лица и с конкретно-предметным значением имеет морфологически выраженную оппозицию по категории числа, и форма множественного числа образуется с помощью

аффикса -и (ы): каландар-каландары, мираб-мирабы, шахир-шахиры, эмин-эмины; гиджак-гиджаки, дутар-дутары, кяриз-кяризы, хорджун-хорджуны. У неизменяемых существительных значение множественного числа определяется по контексту:

Гелин принялись пуще прежнего чесать языки (Б. Кербабаев.«Решающий шаг»). Слова Черкез-ишана повергли всех сопи в уныние перед будущим (Х.Дерьяев. «Судьба»). В других медресе ученики сидят по кельям, разбирают старые книги (П. Скосырев.«Ваш покорный слуга»).

Заимствованные существительные с вещественным (айран, дограма, кокнар, нас, сузьма, чал, чекдырме, ярма), отвлеченным (адат, азан, бушлук, намаз, туркменчилик, шариат) значениями, названия народных игр (сорсш, дуззум, печиз, чилик, юзук) употребляются только в форме единственного числа.. К некоторым заимствованиям, обозначающим названия одежды и обуви, часто прибавляются по аналогии с их функциональными соответствиями из собственно русских слов окончания множественного числа: балаки (срв. брюки), аковуши, чарыки, чепеки, чокаи (срв. лапти, сапоги). Случаи употребления подобных слов в форме единственного числа встречаются редко.

Полную парадигму склонения имеют туркменские заимствования с основой на согласные, относящиеся к мужскому роду. Не наблюдается единства при склонении заимствований с основой на ударный -а, особенно двусложных, часть которых в одних случаях изменяется по падежам, в других -- нет: Ходил важно, все ему кланялись, называли «агой», хотя борода его только округлялась (А. Мамедов.«Звезды над Экеремом»). Гость с нескрываемым высокомерием оглядел двор Аширкули-ага (Б. Сейтаков. «Поэт»).-- Когда сеяли, ходжи не было, косили -- тоже, а натоку он тут как тут (Туркменский юмор).-- Забыли, что в этом уголке Каракумов живет только один наш род святых ходжа..? (Р. Эсенов. «Шайтан»).

Более последовательно склоняются заимствования с основой на -а, состоящие из трех и более слогов: Тот понял, что ему придется участвовать в возвращении невестки с кайтармы (В. Рыбин.«Государи и кочевники»). Шукурбек словно назло тем, кто ушел вниз, занял деньги у баев и построил рядом с орачой дом (Б. Солтанниязов.«Сумбар течет»). Непес побежал заседлывать лошадей, а Ораз завернул в михманхану (Д. Зотов, Ч. Аширов.«Беглецы»).

Наблюдения показывают, что такие факторы, как перенос ударения на русской почве с финального гласного на предыдущий слог, высокая частотность употребления, и широта сферы распространения в русской речи, многосложность слова позволяют включить туркменские заимствования в систему склонения существительных русского языка.

В современном русском литературном языке существуют системные ограничения на склоняемость существительных, что распространяется и на туркменские заимствования. Кроме данной группы к числу несклоняемых относятся заимствованные существительные с основой на ударный -е (гельнедже, кеджебе, кульче, ляле, медресе, пишме, репиде, худжре, чекдырме, эдже), -и (азанчи, бахши, гуляби, джарчи, кетени, онбаши, пери, сопи, халили, яшули), -ы (кяды, тозы, токлы, хырлы, чалы). Характер реляционных отношений в контексте определяется сопоставлением их с соответствующими падежными формами существительных, имеющих полную парадигму склонения:

Потом, как принято, девушки вывели ее из кеджебе (срв. паланкина) (Т. Джумагельдыев.«Следы в пустыне»). Воспоминания о брате для бахши (срв. певца) были тесно связаны с любимым искусством (Н. Сарыханов.«Шукурбахши»). Голопузые дети, бегающие взапуски с борзоподобными тазы (срв. собаками) -- таков фотографический пейзаж белуджского аула (В. Козин.«Мир границ»). Неизменяемость заимствований данной группы обусловлена прежде всего тем, что они на исходе корневой морфемы имеют ударный гласный, что несвойственно собственно русским существительным.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что это явление соответствует наметившейся в русском литературном языке тенденции, согласно которой в настоящее время идет «развитие грамматического строя русского языка в целом и системы склонения, в частности, в сторону всё большей аналитичности».

Рассматривая склонение туркменских заимствований в русском языке, необходимо обратить внимание на одно специфическое явление. Среди туркмен распространен обычай обращаться к лицам или упоминать их с прибавлением к личному имени терминов родства (Байрам-ага, Джемал-дайза, Сона-эдже), различных титулов, должностей (Бекмурад-бай, Мухаммед-ишан, Ораз-сердар), слов, обозначающих род занятий (Курбан-бахши, Хайдар-чайчи, Ягмур-шахир) и др. Этот обычай, естественно, отражается в языке, и через переводную и русскоязычную оригинальную литературу подобные явления попадают в русский язык, где они оформляются как сложные существительные. Наблюдения показывают, что в их склонении нет единообразия. Туркменские заимствования, идентичные в структурном и акцентологическом отношении, склоняются по-разному, при этом встречаются случаи, когда изменяется первый компонент: Он ждал к себе в гости Ильяса-торе (А. Кауштутов. «Последний старшина»). -- А ты знаешь, новый-то башлык, он ведь не иначе как приходится сыном тому Эсену-джерчи (Т. Джумагельдыев. «Следы в пустыне»);

Заключение

Итак, в данной работе мы рассмотрели закономерности процесса калькирования как способа словопроизводства.

В ходе изучения теоретической литературы о различных способах словообразования в русском языке мы установили роль заимствований в процессе пополнения его словарного состава, рассмотрели точки зрения ученых на калькирование как способ словообразования, проследили историю калькирования в контексте истории русского литературного языка, а также проанализировали известные классификации калек.

Проведенное исследование показало, что значительное место в лексике русского языка занимают туркменизмы. Большую часть ее составляет заимствованная лексика. Однако, как исследование показало, кальки-туркменизмы в русском языке появляются очень редко, только при необходимости описать безэквивалентную лексику.

Следует отметить, что частое заимствование из туркменского было обусловлено внеязыковыми факторами: историческими и социально-политическими.

Второй причиной обширных заимствований является тот факт, что туркменский язык по своей структуре является агглютинативным, а русский язык относится к флективному типу. В отличие от туркменского языка, где каждый аффикс выступает выразителем преимущественно одного грамматического значения, в русском языке служебные морфемы обычно имеют несколько грамматических значений одновременно.

В туркменском языке корневые морфемы часто функционируют как самостоятельные слова с вполне конкретным значением. В оформлении русского слова как цельной лексико-семантической единицы почти всегда участвует кроме корня (обычно не обладающего самостоятельным лексическим значением и выступающего в нескольких значениях) и

служебная морфема, имеющая словообразовательное или грамматическое значение.

Туркменские двухморфемные слова аксакал, буренджек, джарчи, кошар, чарвадар, трёхморфемные -- атбашчи, гелналыджи, онбаши, четырехморфемные -- атлыбаши на русской почве признаются корневыми морфемами. И наоборот, отдельные туркменские слова типа арча, бугра, камча, молла, теньга, чорба в русском языке воспринимаются как словоформы, разделенные на корневую и флективную морфемы, хотя в языке-источнике они являются одноморфемными словами. При переходе двухморфемных слов когур+га, когур+ма, мей+хана, чайл-хана в русский текст изменяется место стыка морфем, и на новой почве они делятся на морфемы в виде когург+а, когурм+а, мейхан+а, чайхан+а. Таким образом, туркменские слова, попадая в русскую речь, с этимологической точки зрения подвергаются опрощению, усложнению и переразложению.

Абсолютное большинство заимствованных слов составляют имена существительные, что объясняется проникновением в русскую речь прежде всего слов, называющих национально-специфические предметы, явления, понятия, реалии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Список научной литературы

1. Авина, Н. Ю. Калькирование в ситуации этнокультурного взаимодействия / Н. Ю. Авина // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. – 2009. – Т. 68. – № 6. – С. 28-35. – EDN LHJLPB.
2. Алефиренко Н.Ф. Современные проблемы науки о языке. - М., 2005.
3. Арапова, Н. С. Кальки в русском языке послепетровского периода : Опыт слов. / Н. С. Арапова. – Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Филол. фак. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 2000. – 319 с. – ISBN 5-211-04026-0.
4. Арутюнова Н.Д. О значимых единицах языка. /Тюркские исследования. - М, 2003.
5. Асфандияров И.У. Проблемы взаимовлияния и взаимообогащения контактирующих языков на современном этапе. - М., 1984.
6. Бабаходжаев. А.Б. Семантика тюркизмов как основа для расположения их по тематическим группам. // Филологические исследования, - Самарканд, 2007. Выпуск II.
7. Балалыкина, Э. А. Русское словообразование / Э. А. Балалыкина, Г. А. Николаев. – Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1985. – 183 с.
8. Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – Москва :Эдиториал УРСС, 2001. – 392 с.
9. Белоусов В. Тюркские слова в русском языке // Наука и жизнь. №8. 2003.
10. Боброва Т.А. О среднеазиатских заимствованиях и литературной норме. //РЯШ, №2, 2004.

11. Бондарева, Е. В. Калькирование языковых единиц как социолингвистический феномен (на материале заимствований из английского языка в русский язык) : специальность 10.02.00 "Языкознание" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Е. В. Бондарева. – Владивосток, 2018. – 25 с. – EDN QWLXFO.
12. Бутылов Н.В. Введение в изучение тюркских языков. - М, 2002.
13. Вайнрайх, У. Языковые контакты / У. Вайнрайх. – Киев :Вищашк., 1979. – 263 с.
14. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г Язык и культура Востока. - М., 2005.
15. Виноградов, В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX вв. : Пособие для высших педагог.учеб. заведений / В. В. Виноградов. – Москва :Учпедгиз, 1938. – 448 с.
16. Горбов, А. А. К вопросу о семантическом калькировании и "вторичном заимствовании" в русском языке рубежа XX-XXI веков / А. А. Горбов // Вопросы языкознания. – 2015. – № 1. – С. 87-101. – EDN TJRGUN.
17. Ефремов, Л. П. Основы теории лексического калькирования / Л. П. Ефремов. – Алма-Ата :КазГУ, 1974. – 191 с.
18. Земская, Е. А. Современный русский язык. Словообразование / Е. А. Земская. – Москва : Просвещение, 1973. – 367с.
19. Земская, Е. А. Язык как деятельность : морфема, слово, речь / Е. А. Земская. – Москва : Яз.славян. культуры, 2004. – 681 с.
20. История лексики русского литературного языка конца XVII – начала XIX века / Е. Т. Черкасова, К. П. Смолина, Е. С. Копорская ; предисл. Ф. П. Филина. – Москва : Наука, 1981. – 374 с.
21. Кириллова, Н. В. Заимствование иностранных слов в русском языке / Н. В. Кириллова // Экстернат.РФ : электронный журнал. – 2013. – URL: <http://ext.spb.ru/2011-03-29-09-03-14/100-russian/2407-2013-02-24-08-54-55.html> (дата обращения: 25.01.2023).

22. Кронгауз, М. А. Язык мой - враг мой? / М. А. Кронгауз // Новый мир. – 2002. – № 10. – С. 135-141.
23. Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. - М., 2006.
24. Крысин, Л. П. Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий / Л. П. Крысин // Вопросы языкознания. – 2002. – № 6. – С. 27-36. – EDN PVNQSB.
25. Крысин, Л. П. Слово в современных текстах и словарях : очерки о русской лексике и лексикографии / Л. П. Крысин. – Москва : Знак, 2008. – 318 с.
26. Крысин, Л. П. Современный русский язык : лексическая семантика, лексикология, фразеология, лексикография : учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению 031000 и специальности 031001 "Филология" / Л. П. Крысин. – Российская акад. наук, Ин-т русского яз. им. В. В. Виноградова. – 2-е изд., стер.. – Москва : Академия, 2009. – 239 с. – (Высшее профессиональное образование). – ISBN 978-5-7695-6627-1. – EDN QUMIVH.
27. Линник, Т. Г. Проблемы языкового заимствования / Т. Г. Линник / Языковые ситуации и взаимодействие языков / ред. Ю. А. Жлуктенко. – Киев :Наукова думка, 1989. – С. 154-169.
28. Маринова, Е. В. Иноязычная лексика современного русского языка : учебное пособие / Е. В. Маринова. – 2-е изд., стер. – Москва : Флинта : Наука, 2013. – 292 с. – ISBN 978-5-9765-1246-7.
29. Маринова, Е. В. Иноязычные слова в русской речи конца XX — начала XXI в. : проблемы освоения и функционирования / Е. В. Маринова. – Москва : ООО «Издательство ЭЛПИС», 2008. – 495 с.
30. Маринова, Е. В. Теория заимствования в основных понятиях и терминах : словарь-справочник / Е. В. Маринова. – 3-е изд., стер. – Москва : Флинта : Наука, 2017. – 238 с. – ISBN 978-5-9765-1560-4.

31. Матвеева, О. В. Лексическое калькирование как результат лингвокультурного влияния в условиях межкультурной коммуникации : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Матвеева Ольга Владимировна. – Москва, 2005. – 216 с.
32. Махтумкули. Избранное. Стихи. – М., 1983
33. Назаров О. Туркменские слова в русском тексте. – Ашгабад, Ылым, 1984.
34. Николаева, Н. Г. К вопросу о роли калькирования в истории русского словопроизводства / Н. Г. Николаева // *Folia linguistica rossica* 5 : *Język – Kultura – Historia*. – Łódź, 2009. – S. 127-134.
35. Орешкина М.В. Тюркские слова в современном русском языке: проблемы освоения. - М., 2003.
36. Осетрова, О. И. Калькирование и развитие полисемии исконных слов: проблема разграничения / О. И. Осетрова // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика*. – 2013. – № 4. – С. 49-54.
37. Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. III. - М., 1978.
38. Сеитова Д.У. Лексико-семантическое освоение тюркизмов русского языка. // *Русистика в Казахстане: проблемы, традиции, перспективы: Доклады международной научно-практической конференции*. - А., 1999.
39. Сенько, Е. В. Калькирование в современном русском языке / Е. В. Сенько, М. Р. Ленчина // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. – 2020. – Т. 13. – № 11. – С. 128-133.
40. Современный русский язык : Активные процессы на рубеже XX-XXI веков / Е. И. Голованова [и др]. ; отв. ред. Л. П. Крысин. – Ин-т рус.яз. им. В. В. Виноградова РАН. – Москва : Языки славянских культур, 2008. – 712 с.
41. Ткаченко, В. А. Теоретические и практические аспекты калькирования / В. А. Ткаченко // *Языковые ситуации и взаимодействие*

языков / отв. ред. Ю. А. Жлуктенко. – Киев :Наукова думка, 1989. – С. 178-192.

42. Тюркизмы в "Новом словаре русского языка". / Г.Н.Каримуллина // Итоговая науч. конф. студ. Казан, гос. ун-та 2003 г.: тез.- Казань, 2003.

43. Тюркизмы в русской лингвографии XVIII - XX вв.: семантико-функциональный аспект / Г.Н.Каримуллина // Учен.зап. Казан.гос. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. Кн.2.- Казань, 2007.

44. Тюркизмы в современных справочных и учебных изданиях / К.Р.Галиуллин, Г.Н.Каримуллина // Бодуэновские чтения: Междунар. науч. конф.: Тр. и матер.: в 2 т.- Казань: Изд-во Казан.ун-та, 2001.

45. Тюркизмы в учебных этимологических словарях русского языка / Г.Н.Каримуллина // VI Межвуз. науч. конф. студ.-филол.: тез. (7-11 апр. 2003 г., Санкт-Петербург). - СПб., 2003.

46. Тюркские лексические элементы русского языка: компьютерный фонд (материалы словарей XVТII - начала XXI века) / К.Р.Галиуллин, Г.Н.Каримуллина // Актуальные вопросы исторической лексикографии и лексикологии: Матер. Всерос. Академ, школы-семинара.- СПб: Наука, 2005.

47. Фахрутдинова, М. Т. Процессы в современном русском словообразовании / М. Т. Фахрутдинова // Казанская наука. – 2019. – № 6. – С. 54-56. – EDN РКНРСТ.

48. Хайруллина, Э. И. Фразеологическое калькирование как межъязыковое взаимодействие / Э. И. Хайруллина // NewsofScienceandEducation. – 2019. – Т. 1. – № 4. – С. 3-5. – EDN YUCYRN.

49. Шанский Н.М. Современный русский язык. - М., 2005.

50. Шахматов А.А. Очерк современного русского литературного языка. - М., 2001.

51. Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. - М., 2006.

52. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. -М., 2007.

53. Щербак А.М. Названия реалий в тюркских языках. Сборник "Историческое развитие лексики тюркских языков". - М., 2001.

СЛОВАРИ:

1. Древнетюркский словарь. – М., 1969.
2. Атаев К., Мескутов В. Русско-туркменский учебный словарь. – М., 1995.
3. Баскаков Н.А. Слова тюркского происхождения.- 2-е изд.- М.: Наука, 2003.
4. Большой словарь иностранных слов : Более 24 000 слов / сост. А. Ю. Москвин. – Москва :Центрполиграф, 2003. – 815 с.
5. Большой словарь русских поговорок : более 40 000 образных выражений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина ; Международная ассоц. преподавателей русского яз. и лит., Российское о-во преподавателей русского яз. и лит., Санкт-Петербургский гос. ун-т, Межкафедральный словарный каб. им. проф. Б. А. Ларина. – Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2013. – 783 с. –ISBN 978-5-373-05079-1.
6. Большой толковый словарь русского языка : современная редакция / Д. Н. Ушаков. – Москва : Дом Славянской кн., 2008. – 959 с. – ISBN 978-5-903036-99-8.
7. Даль В.И. Словарь живого великорусского языка. – М., 1955.
8. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – Москва : Советская энциклопедия, 1990. – 682 с.
9. Толковый словарь иноязычных слов: Ок. 25000 слов и словосочетаний / Л. П. Крысин. – Москва : Рус. яз., 1998. – 846 с. –ISBN 5-200-02517-6.
10. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов : (82 000 слов и фразеологических выражений) / Н. Ю. Шведова, Л. В. Куркина, Л. П. Крысин ; отв. ред. Н. Ю. Шведова ; Российская акад. наук, Отд-ние ист.-филологических наук, Ин-т русского яз. им. В. В. Виноградова. – Москва : Азбуковник, 2008. – 1164 с. : табл. –ISBN 978-5-91172-015-5.
11. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. - М., 2006.

12. Этимологический словарь русского языка / ред. Н. М. Шанский. – Москва: Изд-во МГУ, 1982. – 470 с.
13. Этимологический словарь русского языка : в 4 томах / Макс Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – 4-е изд., стер. – Москва : Астрель : АСТ, 2007. – 846 с. – ISBN 5-17-013347-2.
14. Этимологический словарь тюркских языков. - М., 2000.